

УДК: 94

Ковалёв А.С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
магистрант 1 года обучения. E-mail: alkskovalev@gmail.com

Управление государственными землями в остготской Италии по “*Variae*” Флавия Кассиодора

Аннотация. В статье исследуется система управления государственным земельным фондом в период господства остготов на территории римской Италии. В контексте тезиса о преемственности позднеимперской системы управления изучаются характерные особенности этой системы в хронологический период 489–554 гг.

Ключевые слова: Поздняя античность, раннесредневековая Италия, Остготское королевство, история администрации.

Kovalev A.S.

Lomonosov Moscow State University, Master Degree.
alkskovalev@gmail.com

Managing the state land property in Ostrogothic Italy: a study of “Variae” by Flavius Cassiodorus

Annotation. The article deals with the administration of the state land property during the Ostrogothic predominance in Italy after the collapse of Western Roman Empire. Considering the continuity of the late Roman administrative system, the article examines its features in the period 489–554 AD.

Key words: Late Antiquity, early medieval Italy, Ostrogothic Kingdom, administrative history.

Проблемы истории поздней Античности весьма скудно освещены в современной российской историографии. С начала 1990-х гг. свет увидели лишь несколько крупных монографий [1–7] и небольшое число статей методологического характера [8–10], актуализирующих в русской исторической науке тот период истории Западной Европы, что обычно оставался на периферии внимания исследователей. Между тем концепция Late Antiquity, получившая свое воплощение в трудах Питера Брауна, прочно утвердилась в европейской и американской исторической науке: за последние 40 лет было издано невероятное количество монографий и статей, которые позволили пересмотреть взгляд ученых на эту эпоху.

Если говорить об истории позднеантичной, или раннесредневековой, Италии, то в этой области современная отечественная историография выглядит, пожалуй, наиболее бедно. Если истории позднеантичной Галлии или Испании были посвящены хотя бы несколько исследований (специальных и обобщающих), то бывший центр *paes romana* такого внимания не удостоился — лишь монографии О.Р. Бородина [5] могут претендовать на звание «общих», хотя и они ограничены узкими географическими рамками. Интерес представляют также статьи и монография П.П. Шкаренкова [11], филолога по образованию, который работает в русле популярной ныне потестарной имагологии. Его работы главным образом посвящены образу власти Теодориха Великого, а также филологической критике позднеантичных источников. Наконец, стоит отметить две статьи, изданных в 2018 г. в составе сборника материалов «Курбатовских чтений» [12; 13]. Обе статьи посвящены проблематике образа власти. В сложившейся историографической ситуации особенно актуальным становится появление новых исследований по истории постримской Италии, в частности, освещающих проблемы более классического спектра — политической, социально-экономической, правовой и институциональной истории. Именно в таком ключе изучает историю остготского периода автор настоящей статьи.

Одной из примечательных черт позднеримского государства было доминирование во внутривластной жизни империи громоздкого бюрократического аппарата, деятельное участие в котором все еще оставалось одной из важнейших вех в жизни римского аристократа. Рассматривая систему государственного управления в остготский период как последнюю фазу существования позднеримской системы, мы задаемся следующими вопросами: в каком виде в этой системе продолжили свое бытование органы управления государственной земельной собственностью? Какие черты этой системы остались без изменения, а какие поменялись? Как сложилась судьба магистратов, ответственных за управление государственной собственностью? На эти и другие вопросы мы будем отвечать, опираясь на наш основной источник — “*Variae*” Флавия Кассиодора.

Этот сборник хорошо известен как медиевистам, так и антиковедам. Он выдержал множество публикаций, в том числе и в известной MGH (*Monumenta Germaniae Historica*), где его редакцией занимался сам Т. Моммзен. “*Variae*” представляют собой собрание делопроизводственных документов Остготского королевства, хронологически охватывающих правление всех остготских королей, начиная с Теодориха и заканчивая

Тотилой. Будучи важнейшим источником по внутренней истории остготского государства, этот труд Кассиодора в то же время и чрезвычайно сложен для изучения. Тому есть несколько причин: во-первых, исследователи до сих пор не сошлись во мнении о том, когда и где был создан памятник; во-вторых, аудитория, которой предназначались документы собрания, также до конца не определена; в-третьих, язык “*Variae*” нередко отпугивает исследователей своим сложным риторическим обрамлением. Этих причин в самом деле немало, однако следует сказать, что за последние десятилетия, в основном благодаря трудам американских и британских историков, мы гораздо глубже продвинулись в понимании предназначения собрания, а главное — его репрезентативности как источника. Профессор Калифорнийского университета М.Ш. Бьорнли в своей монографии доказал, что “*Variae*” были созданы Кассиодором в разгар гото-византийской войны с целью оправдания его собственной службы остготским королям не только перед византийской элитой, с авторитетом которой он вынужден был считаться, бежав в Константинополь, но и перед бывшими коллегами, которые оказались здесь в результате взятия Равенны в 540 г. [14, р. 331]. Будучи лояльным слугой остготских королей, Кассиодор безболезненно пережил казнь Боэция и Симмаха, а также практически стоял во главе государства во время расправ над римским населением Милана и казни византийских послов в Риме. Все это хорошо объясняет тот чрезвычайно «римский» характер Остготского государства, который возникает в собрании Кассиодора, намеренно отбравшего и изменявшего документы и выстраивавшего структуру своего произведения в соответствии с заранее заданной целью. Казалось бы, такая кропотливая переработка документов не оставляет собранию никакой возможности служить источником, который мог бы дать нам информацию о том, что в действительности происходило в Остготском королевстве. Однако и сам М. Бьорнли [14, р. 332], и его критик Питер Хизер [15, р. 28], утверждают, что, как бы собрание ни было переработано, в основе его лежат настоящие свидетельства функционирования остготской системы государственного управления. Это и позволяет исследователю, достаточно усердному, понимающему, как отделить риторику от реальности в трудах Кассиодора, пользоваться текстом «*Варий*» для восстановления исторической действительности Остготского государства.

Для изучения системы управления государственным земельным фондом мы пользовались несколькими видами документов, содержащихся в собрании. Во-первых, это формулы назначения магистратов на

высшие должности в администрации королевства, занимающие шестую и седьмую книги “*Variae*”. Подобные формулы не встречаются больше нигде в античном мире и, как считается, являются изобретением самого Кассиодора. Нас интересуют, прежде всего, формулы назначения двух магистратов — это *comes rerum privatarum* и *comes patrimonii*. Первое из этих должностных лиц известно по римскому прошлому всем, кто хоть немного знаком с основополагающим трудом А. Джонса [16, р. 411], поэтому с него и начнем. По меркам всего собрания формула не очень велика по объему — она занимает 36 строк в издании MGH. Текст открывается коротким экскурсом в историю должности: «Когда-то комит частных имуществ при помощи счетоводов (*rationales*) нес ответственность за управление частным имуществом правителя» [17, р. 181]. Становится ясно, что спектр деятельности магистрата изменился. Кассиодор добавляет: «Он счастливо занялся городскими делами, отбросив заботы поселян» [Ibid.]. Далее, украшенные призыванием к добродетелям кандидата, перечисляются обязанности, не имеющие никакого отношения к тому, что мы знаем об этой должности по позднеримской практике: предотвращение кровосмешения между родственниками и охрана могил от разграбления [Ibid, р. 182]. В этой части формулы мы будто бы наблюдаем смысловой разрыв, так как следующая ее часть, которая начинается со слов «...а также тебе поручено...», неожиданным образом включает в себя все те полномочия, которыми действительно располагал этот магистрат в римское время: сбор ренты с бессрочных держателей, конфискация выморочной собственности, земель, оставшихся без законного наследника, а также найденных на государственных землях сокровищ.

Сложный состав формулы с первого взгляда вводит в заблуждение. Однако важно помнить о цели создания собрания, о который мы упомянули выше. Действительно, приняв во внимание стремление Кассиодора «облагородить» остготских правителей, в особенности Теодориха, мы понимаем, почему изучаемый магистрат почти без изменений отражает свой прототип. Тем не менее, это еще не повод отметить вероятность того, что должность комита частных имуществ в самом деле не претерпела серьезных изменений за тот короткий срок, что прошел с 476 г. Для этого важно обратиться к основному массиву документов, содержащихся в “*Variae*” — различного рода эдиктам, письмам сенату, рескриптам и посланиям высшим чиновникам. В составе сборника нам удалось найти лишь три послания людям, которых можно идентифицировать как *comes rerum privatarum* [Ibid, р. 108, 243]. Ситуация, однако, осложняется тем, что в двух случаях из трех мы ничего не можем сказать об их професси-

ональной деятельности, так как о ней не осталось прямых свидетельств. Впрочем, даже из этих двоих лишь один — Амброзий — упоминается в “*Variarum*”, тогда как о службе Аратора — известного поэта своего времени — мы знаем только из его поэмы, посвященной римскому папе Вигилию [18, р. 126]. Третий из них — Апрониан — получает от Теодориха рескрипт, в котором ему поручается оплатить переезд найденного в Африке искателя подземных вод в Рим, а также обеспечить его продовольствием [17, р. 108]. Это послание также содержит объемное отступление, в котором Кассиодор повествует об искусстве добычи воды. Совершенно ясно, что подобные занятия никак не входили в обязанности *comes rerum privatarum* римского образца, и, если уж Кассиодор стремился убедить нас в том, что остготский комит частных имуществ ничем не отличается от римского, то это у него не получилось. К сожалению, на этом свидетельства о деятельности и вообще существовании комитета частных имуществ кончаются. Мы еще вернемся к этому моменту, а теперь перейдем к *comes patrimonii*.

Прежде чем говорить о формуле назначения этого магистрата, надо вспомнить, что о процедуре назначения этого чиновника, необходимо подчеркнуть, что у исследователей практически нет данных о его должностных функциях. Из исследований мы знаем, что он появился на Западе и на Востоке практически одновременно — при короле Теодорихе и императоре Анастасии [16, р. 425; 19, р. 145]. Некоторые ученые даже приписывают появление *comes patrimonii* на Западе влиянию нововведений восточноримского правителя [11, с. 137]. Однако, обратившись к корпусу законодательных актов римских императоров, изданных Густавом Хэнелем, мы находим в одном из указов императора Глицерия (473–474 гг.) упоминание о *comes patrimonii* [20, р. 260]. Таким образом, есть возможность делать выводы об автономном возникновении этого магистрата в остготской Италии. Однако вернемся к формуле назначения: вне зависимости от того, повлияла ли восточноримская практика на возникновение изучаемой должности или же она возникла независимо, комит патримония не имеет абсолютно никакой документальной традиции, по крайней мере в Кодексе Феодосия, на которую мог бы опереться Кассиодор при написании формулы. Таким образом, перед нами встает вопрос: где искать тот источник, что послужил бы образцом для формулы назначения? Нам представляются возможными два варианта: либо Кассиодор создал своего комитета патримония на основе уже известного тогда в Италии кодекса Юстиниана [14, р. 224], либо в формуле отражена

настоящая деятельность комита патримония. Для разрешения этого вопроса обратимся к тексту.

Перед нами разворачивается текст, еще более насыщенный риторическими тропами, чем предыдущий. Мы встречаем и перечисление достоинств справедливого правителя, и указание на близость комита патримония ко двору (что следует из бесед, через которые король наставляет кандидата), и предостережения о том, какие черты характера выдают человека, чьи нравы не чисты. Тем временем целью нашего поиска являются указания на служебные обязанности комита, которых мы находим всего три: во-первых, очень туманное «управление нашим патримонием», разрешение жалоб собственников, а также, что неожиданно, поставка продовольствия на королевский стол [17, р. 183]. Подобные свидетельства заставляют вспомнить о римском *comes domorum*, управляющем императорской *domus divina* — части государственной собственности, выделенной для обеспечения личных нужд императора и его семьи. Опережая повествование, скажем, что наш *comes patrimonii* не ограничится этим полем деятельности.

Вернемся теперь к кодексу Юстиниана с тем, чтобы провести сравнение. Из исследования, выполненного Р. Дельмером, мы знаем, что комит патримония на Востоке был создан ввиду отмены хрисаргира — особого налога на торговую деятельность — ликвидация которого отрицательно сказалась на пополнении государственной казны [19, р. 145]. Для восстановления баланса император Анастасий выделил на государственные расходы часть доходов своих личных владений (*patrimonium*), поставив их под контроль соответствующего комита [Ibid.]. Наряду с этим *comes patrimonii* в Восточной империи существовали также четверо других магистратов, ответственных за ту или иную часть государственных земельных владений: *comes rerum privatarum*, *comes domus divinae per Cappadociam*, *curatores domus dominicae*, *comes patrimonii per Italiam*, созданный после завоевания Италии в 554 г. [16, р. 426]. Эта чрезвычайно сложная система управления частями государственных владений, безусловно, являвшаяся наследницей позднеримской административной системы, никак не могла стать шаблоном, на который бы опирался Кассиодор при создании своей формулы. Об этом свидетельствует несовпадение доступных нам немногочисленных данных из формулы с данными восточноримских документов. Однако сопоставление такого скудного объема информации с целью получения каких-либо достоверных выводов нельзя назвать корректным, что заставляет нас обратиться к другому

источнику информации, уже использованному ранее — рескриптам из других книг “*Variae*”.

Свидетельства о деятельности комита патримония не в пример обширнее: около десяти писем против трех, касающихся комита частных имуществ. Перечень активности, в которой зафиксирован *comes patrimonii*, выглядит следующим образом: он отвечает за поддержание достаточного уровня провизии в королевских хранилищах [17, p. 363]; он обеспечивает продовольствием направленного в Паннонию губернатора и его войско [Ibid. p. 120], а также повышает размеры выплат охране губернаторов провинций [Ibid., p. 278]; он занимается поиском подходящей для строительства флота древесины в королевских владениях, а также набором персонала для управления флотом [Ibid., p. 154–155]; он направляет картариев для поиска и добычи драгоценных металлов [Ibid., p. 270]. Широкий спектр полномочий комита патримония, засвидетельствованный в источниках, при почти полном отсутствии данных о деятельности комита частных имуществ позволяет предположить, что последний потерял свое прежнее значение, уступив первому. Окончательно нас в этом убеждает серия документов из пятой книги “*Variae*”. Мы узнаем из первого послания, что некий Фома (*Thomas*), управляя некоторыми поместьями королевского патримония (*domus nostrae*), задолжал 10 000 солидов королевской казне [Ibid., p. 147]. Следующий же документ сообщает о способах разрешения возникшей ситуации: король предлагает некоторому Иоанну, зятю Фомы, заплатив долг последнего в казну комита патримония, вступить во владение упомянутыми поместьями при условии, что Фома не успеет погасить долг до сентябрьских Календ [Ibid., p. 148]. Совершенно ясно из этих писем, что, если плата за конфискованное имущество, в данном случае — переданное с уплатой долга, поступает в казну комита патримония, то и имущество это находится в зоне ответственности этого магистрата. Дополнительным доказательством тому служит указ императоров Валентиниана I и Валента I, адресованный именно комиту частных имуществ, [21, CTh., V, 13, 4], согласно которому имущество держателей государственных земель в случае невозможности уплаты ренты переходит к другому владельцу. Исключение состояло лишь в том, что, по императорскому указу, новый владелец не обязан был выплачивать долги прежнего, о чем, как мы видим, говорится в послании Кассиодора.

Наконец, следует добавить, что в римскую эпоху не только служащие бюро комита частных имуществ выполняли надлежащие им обязанности — в их деятельность иногда вмешивались — когда законно, а

когда нет — управляющие провинциями. Об этом мы узнаем также из императорских указов: например, императоры Аркадий и Гонорий запрещают бытовавшую долгое время практику по сбору ренты с держателей государственных земель управляющими провинций [Ibid., I, 11, 1–2], однако уже в одной из новелл Майориана (457–461 гг.) мы снова встречаем подобный прецедент [Ibid., Nov. Maj. V, 1]. Остготское государство в этом отношении продолжает римскую практику, в которой такие запреты чередовались с разрешениями неоднократно: так, например, выморочная собственность, которая, как мы помним из формулы назначения, находится под надзором *comes rerum privatarum*, конфискуется отнюдь не этим магистратом, а управляющим провинцией Далмация [17, p. 157]. Другую ситуацию мы наблюдаем, когда король отчитывает управляющего Сицилией (*comes Syracusanus*) за то, что тот конфискует собственность умерших, не убедившись в том, остались ли у них наследники [Ibid., p. 278]. Тем не менее, сам факт конфискации управляющим провинцией, а не комитом частных имуществ, налицо.

Наконец хотелось бы обратиться к терминологии “*Variae*”, которая очень хорошо показывает, что никакого следа института *res privata* в остготской Италии не осталось. Индекс, составленный Л. Траубе к изданию MGH, не фиксирует ни одного упоминания этого неотъемлемого для римского прошлого термина. В то же время возрастает значение таких терминов, как *domus* в сочетании с прилагательными *nostra, regia, divina* и, собственно, *patrimonium*. Кассиодор преимущественно использует термин *domus*, в одном из писем даже употребляет *patrimonia divinae domus* [Ibid., p. 224], подразумевая подчиненное положение термина *patrimonium*, который также часто употребляется в смысле конкретных поместий или состояний частных лиц. “*Domus*” же, напротив, почти исключительно касается собственности правителя с одним лишь исключением, когда речь идет о собственности сенаторского сословия [Ibid., p. 59], с которым, как известно, Теодорих обходился весьма уважительно [22, p. 21].

Итак, нам удалось выяснить, что *comes rerum privatarum*, известный нам по позднеримской администрации как один из важнейших чиновников финансового управления, в остготский период потерял всякое значение, если не исчез вообще. Катастрофически малое число свидетельств об этом магистрате, последнее из которых датируется годом смерти Теодориха 526 г., становится в основание этой гипотезы. В то же время возросшее значение *comes patrimonii*, который, как мы узнаем из источника, исполняет обязанности комита частных имуществ, наво-

дит на мысль о том, что комит частных имуществ был заменен комитом патримония в роли управляющего государственной собственностью. Мы полагаем, что комит патримония, приняв на себя эту роль, своими функциями подменил как, собственно, комита частных имуществ, что подтверждается его участием в конфискации собственности в пользу государства — важнейшей функции *comes rerum privatarum*, так и старого римского управляющего *domus divina*, о чем свидетельствует его роль в организации королевских трапез. Такое сосредоточение функций объясняется совершенно иным геополитическим и экономическим положением Остготского королевства по сравнению с Западной Римской империей: территория государства сократилась до размера Апеннинского полуострова, Далмации, Сирмиенской Паннонии и Прованса, оказавшегося в руках остготов в результате борьбы с франками. Новая география повлекла за собой значительное сокращение налоговых поступлений, и, хотя Теодорих не отменил земельный налог, как сделали другие «варварские короли», финансовый ресурс не позволял остготским правителям содержать многочисленную администрацию, в чем, собственно, и не было нужды ввиду сокращенной территории. Анализ, проведенный М. Бьорнли, очень хорошо показал это [23, р. 50]. На основе этих наблюдений американский исследователь также доказал ситуационный характер остготской администрации — то, что он назвал «администрация *ad hoc*» [Ibid., р. 59].

Однако на этом список вопросов, требующих ответа, не сокращается. Так, например, зачем было упразднить традиционную для римской традиции должность *comes rerum privatarum* и возлагать его функции на вновь созданного *comes patrimonii*? Разумно предположить, что такой шаг был осознанным стремлением к подражанию юстиниановым нововведениям, однако возможно ли такое, что Кассиодор, редактируя документы, попросту изъял наименование *comes rerum privatarum*, заменив его на *comes patrimonii* и добавив новую формулу? В таком случае, почему он не изъял все упоминания о комите частных имуществ? В довершение всего мы знаем, что комит частных имуществ на Востоке никуда не исчез — чему тогда служит его явная дисфункция на Западе? Наконец, подобное предположение не сходится с довольно убедительной теорией М. Бьорнли о противопоставлении традиционализма “*Variae*” и так называемой *novitas* Юстиниана.

Наконец, необходимо сказать, что свидетельств о фактическом разделении земельных владений на государственные и собственно королевские, принадлежащие роду Амалов, нет в собрании Кассиодора. Вполне

вероятно, что это объясняется позднеримской традицией Западной Империи, где, как показал А. Джонс [16, р. 416] такое разделение исчезло уже ко времени Диоклетиана. С другой стороны, использование ресурсов патримония для покрытия государственных расходов, засвидетельствованное в документах из “*Variae*”, может говорить о практике, схожей с той, что была принята на Востоке после создания *comes patrimonii* Анастасием.

Список источников и литературы

1. Дворецкая И.А. Западная Европа V–IX веков: Раннее средневековье. М., 1990.
2. Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
3. Циркин Ю.Б. Испания от античности к средневековью. СПб., 2010.
4. Ауров О.В. Испания в эпоху вестготов. СПб., 2019.
5. Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991.
6. Старостин Д.Н. От Поздней античности к раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). СПб., 2017.
7. Дубровский И.В. Очерки социальной истории средних веков. М., 2010.
8. Ващева И.Ю. Концепция Поздней античности в современной исторической науке // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6(1).
9. Селунская Н.А. “Late Antiquity”: историческая концепция, историографическая традиция и семинар “Empires Unlimited” // ВДИ. 2005. № 1.
10. Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // Диалог со временем. 2004. № 13.
11. Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.
12. Беспальчикова Я.Е. Мотив первенства в дипломатических посланиях Теодориха Великого // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Матер. XXXVIII Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 нояб. 2018 г.): Сб. ст. / Под ред. А.Ю. Прокöpfeва. СПб., 2018.
13. Главатских К.В. Письма Теодориха Великого варварским королям: роль Кассиодора в оформлении образа королевской власти // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Матер. XXXVIII Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых: Сб. ст. / Под ред. А.Ю. Прокöpfeва. СПб., 2018.
14. Shane Bjornlie M. Politics and tradition between Rome, Ravenna and Constantinople: A study of Cassiodorus and the *Variae*, 527–554. N. Y., 2013.

15. *Heather P.* A tale of two cities: Rome and Ravenna under Gothic rule // Herrin J., Nelson J. (eds.) *Ravenna: Its role in earlier medieval change and exchange.* London, 2016.
16. *Jones A.H.M.* *The Later Roman Empire. 284–602. A social economic and administrative survey.* Vol. I–III. Oxford, 1964. Vol. I.
17. *Cassiodori Senatoris Variarum / Rec. Th. Mommsen* // MGH. AA. Berolini: Apud Weidmannos, 1894. Vol. XII.
18. *Martindale J.R.* (ed.) *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Cambridge, 1971. Vol. II.
19. *Delmaire R.* *Les institutions du Bas-Empire Romain, de Constantin à Justinien.* Paris, 1995.
20. *Hänel G.* (ed.) *Corpus legum ab imperatoribus romanis ante Iustinianum latarum.* Lipsiae, 1857.
21. *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus...* Berolini, 1905. Vol. 1.
22. *Wickham C.* *Early Medieval Italy: Central power and local society, 400–1000.* London, 1981.
23. *Shane Bjornlie M.* *Governmental administration* // Arnold J.J., Shane Bjornlie M., Sessa K. (eds.) *A Companion to Ostrogothic Italy.* Leiden; Boston: Brill, 2016.